

*Подвиги
бригадира Жерара*

КАК БРИГАДИР ПОПАЛ В ЗАМОК МРАКА

Славно, друзья, что вы относитесь ко мне с должным уважением, ибо, воздав мне по заслугам, вы тем самым воздаете по заслугам и себе, и Франции. Перед вами не просто старый седоусый вояка, который жует омлет или опустошает стакан, перед вами — осколок истории. В моем лице вы видите едва ли не последнего из тех доблестных бойцов, что стали ветеранами, еще не выйдя из мальчишеских лет, саблей научились пользоваться раньше, чем бритвой, и по ходу сотни сражений ни разу не позволили врагу увидеть цвет своих заплечных мешков. Двадцать лет мы учили Европу, как надо сражаться, и даже когда она усвоила уроки, сломить Великую армию смог разве что термометр, но не штык. Берлин, Неаполь, Вена, Мадрид, Лиссабон, Москва — всюду мы ставили к коновязи своих скакунов. Да, друзья мои, повторюсь: правильно вы делаете, что посылаете ко мне с цветами своих детишек, ибо уши эти слышали, как трубят трубы Франции, а глаза видели знамена стран, которых более не увидит никто.

Даже и сейчас, подремывая в кресле, я вижу, как мимо шагают эти славные воины: егеря в зеленых мундирах, великаны-кирасиры, копыеносцы Понятовского¹,

---

¹ *Понятовский Юзеф* (1763–1813) — польский генерал, маршал Франции. Командовал польскими войсками, которые воевали на стороне Франции против Австрии в 1809 г. и против России в 1812–1813 гг.

драгуны в белых ментиках¹, гренадеры в медвежьих шапках. А потом — густой, низкий рокот барабанов, и сквозь клубы дыма и пыли взору моему предстает строй высоких киверов, ряд смуглых лиц, колыхание пышных красных плюмажей² между косыми полосками стали. И вот приближаются рыжеволосый Ней, Лефевр с бульдожьей челюстью, Ланн³, бесшабашный, как все гасконцы; а потом, среди сверкания меди и парада перьев, мне на миг является он — человек с бледной улыбкой, сутулыми плечами и отрешенным взглядом. На том, друзья мои, и завершается моя дрема, ибо я соскакиваю с кресла с надрывным криком и тяну вперед глупую руку — будет мадам Тито еще один повод посмеяться над старым дурнем, обитающим среди теней.

Хотя к моменту завершения войн был я ни больше ни меньше как бригадным генералом и имел все надежды вскорости сделаться генералом дивизионным, но, как приспеет охота поговорить про радости и тяготы солдатской жизни, мысли мои обращаются к ранним дням службы. Сами понимаете, у офицера под началом множество бойцов и лошадей, в мыслях — пополнение личного состава и конницы, фураж, коновал и расквартировка: даже и в тылу жизнь для него — штука серьезная. А вот пока ты всего лишь лейтенант или капитан, ничто не давит тебе на плечи, кроме эполет, можно брэнчать шпорами и щеголять доломаном⁴, опрокидывать стаканы и нежить девиц —

---

¹ *Ментик* — короткая куртка, отороченная мехом, с пуговицами в несколько рядов, со шнурками и петлями. В зимнее время ментик надевали поверх куртки, а в летнее — носили наброшенным на левое плечо, за спину.

² *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе.

³ *Ней Мишель* (1769–1815), *Лефевр Франсуа* (1755–1820), *Ланн Жан* (1769–1809) — маршалы Франции.

⁴ *Доломан* — часть гусарского обмундирования: короткая (до талии) куртка со стоячим воротником, расшитая шнурами.

словом, не думать ни о чем, кроме прелестей жизни. Именно на этом этапе и выпадают нам лучшие приключения, так что когда я стану рассказывать вам истории, то обращаться в них по большей части буду к этим временам. Вот и сегодня поведаю я вам о посещении Замка Мрака: о необычной миссии младшего лейтенанта Дюрока и о смертной схватке с человеком, некогда известным как Жан Карабен, а впоследствии — как барон Штраубенталь.

Так вот, должен вам сказать, что в феврале тысяча восемьсот седьмого года, сразу после взятия Данцига, нас с майором Лежандром отправили перегнать четыре тысячи свежих лошадей из Пруссии в Восточную Польшу.

Из-за суровых морозов, а в особенности из-за большого сражения под Эйлау мы потеряли столько лошадей, что над нашим славным 10-м гусарским полком нависла реальная угроза превратиться в батальон легкой пехоты. Так что мы с майором прекрасно понимали: на передовой нас ждут не дождутся. Двигались мы, впрочем, не слишком поспешно, ибо снег был глубоким, дороги скверными, а в помощь нам придали всего лишь двадцать бойцов, возвращавшихся после ранения в строй. Кроме того, фуража выдавали всегда лишь на день, случалось, и того не было, приходилось двигаться шагом. Знаю я, что в книгах кавалерия всегда проносится мимо стремительным галопом; но лично мне после двадцати кампаний довольно и того, что моя бригада на марше перемещается шагом, а в виду противника переходит на рысь. И это я, кстати, имею сказать про гусар и егерей, а уж про кирасир и драгун оно тем более правда.

Лично я лошадок люблю, и иметь под своим началом целых четыреста голов, лошадок разных возрастов и мастей, каждую со своим норовом, было очень

приятно. Были они в основном из Померании, хотя имелись и нормандские, и эльзасские — занятно было наблюдать, что нравом они различаются так же, как и жители этих провинций. Кроме того, мы подметили — и я с тех пор не раз видел тому доказательству, — что характер лошади можно предсказать по ее масти, от кокетливых буланых — сплошные нервы и причуды — до выносливых каурых, от смирных чалых до упрямец гнедых. Все это не имеет никакого отношения к моему рассказу, но только как иначе офицеру-кавалеристу приступить к повествованию, если в самом начале попало ему целых четыреста лошадей? Такая уж у меня привычка: задерживаться на том, что мне интересно, — в надежде, что будет интересно и вам.

Мы переправились через Вислу напротив Мариенвердера и добрались до Ризенберга, и вот на почтовой станции майор Лежандр входит ко мне с листом бумаги в руке.

— Вам придется меня покинуть, — произносит он с отчаянием на лице.

Меня это не сильно расстроило, — сказать по правде, не заслуживал он такого подчиненного. Я, однако, лишь молча отдал честь.

— Приказ генерала Лассалья¹, — продолжал он. — Вы должны немедленно отправиться в Россель и явиться в штаб полка.

Ох и обрадовала же меня эта новость! Я и так уже был на хорошем счету у начальства. Соответственно, у меня не возникло сомнений, что означает этот внезапный приказ: полку предстоит очередное сражение и Лассаль понимает, что без меня эскадрон наш будет менее боеспособен. Да, приказ пришел не в самый

---

¹ *Лассаль Антуан Шарль Луи* (1775–1809) — дивизионный генерал, в 1800–1805 гг. командовал 10-м гусарским полком.

подходящий момент, ибо у станционного зрителя имелась дочка, одна из этих белокожих черноволосых полек, с которой мне очень хотелось познакомиться поближе. Впрочем, негоже пешке спорить, когда пальцы игрока переставляют ее на новую клетку, а потому я спустился, оседлал своего могучего вороного коня Ратаплана и немедленно пустился в одинокий путь.

Да уж, скажу я вам, повезло этим несчастным полякам и евреям, у которых почти не бывает просветов в их унылой жизни: им довелось увидеть прямо перед своими дверями этакую картинку! В морозном утреннем воздухе могучие бабки, крутые бока и крепкий круп Ратаплана сверкали при каждом курбете¹. У меня же и по сей день кровь вскипает в жилах, как припомню стук копыт по дороге и позвякивание поводьев с каждым взмахом его горячей головы. Можете представить себе, каков я был на двадцать шестом году жизни, я, Этьен Жерар, отменный наездник и самый яркий клинок в 10-м гусарском полку. Цвет 10-го — голубой: небесно-голубой доломан, ментик с алым передком, — в армии говаривали, что, завидев нас, все пускаются бегом, женщины — навстречу, а мужчины наутек. Множество горящих глаз выглядывали в то утро из окон домов Ризенберга, будто умоляя меня задержаться, но что может сделать солдат, кроме как послать воздушный поцелуй, тряхнуть поводьями и умчаться прочь?

Не самое веселое выдалось время для поездки по наиболее бедной и неказистой стране Европы, но небо над головой было безоблачно, а яркое холодное солнце заливало светом заснеженные поля. В морозном воздухе стоял пар от дыхания, из ноздрей Ратаплана вырывались две белые струи, с мундштука

---

¹ *Курбет* — прыжок верховой лошади с поджатыми передними ногами.

свисали сосульки. Я пустил его рысью, чтобы он согрелся, мне же было о чем подумать и кроме стужи. К югу и к северу тянулась бескрайняя равнина, кое-где маячили темные еловые рощи и более светлые лиственничные. Тут и там стояли домики, но Великая армия прошла здесь всего три месяца назад, а вы понимаете, что это значит. Да, поляки были нашими друзьями, но из ста тысяч бойцов только у гвардии были обозы, остальным приходилось самим заботиться о себе. Соответственно, я не удивился, не заметив нигде ни скота, ни дымов над трубами молчаливых хижин. Путь Великого войска лег рубцом на тело страны — поговаривали, что там, куда император ведет своих бойцов, потом даже крысы дохнут с голоду.

К полудню я добрался до деревушки Заальфельдт и двинулся по прямой на Остероде, где зимовал император и находился основной лагерь семи пехотных дивизий, — но дорога оказалась забита телегами и повозками. Артиллерийские укладки, обозы, курьеры, все более густая толпа рекрутов и зевак — похоже было, что не скоро я доберусь до товарищей. Но на самой равнине лежал пятифутовый покров снега, оставалось лишь плестись как получится. А потому я сильно обрадовался, увидев, что от основной дороги ответвляется другая и уводит через еловые леса к северу. На перекрестке стоял небольшой трактир, а у входа седлал лошадей патруль 3-го Конфланского гусарского полка, того самого, которым я позднее командовал. На ступенях стоял командир патруля, бледный худощавый молодой человек, больше похожий на юного выпускника семинарии, чем на предводителя этих бесшабашных головорезов.

— Добрый день, месье, — произнес он, увидев, что я придержал лошадь.

— Добрый день, — откликнулся я. — Лейтенант Этьен Жерар, десятый гусарский.

По его лицу я понял, что он обо мне наслышан. Да и все были обо мне наслышаны после моего поединка с шестью мастерами-фехтовальщиками. Впрочем, моя непринужденность позволила ему преодолеть стеснение.

— Младший лейтенант Дюрок, третий Конфланский, — представился он.

— Недавно на службе? — поинтересовался я.

— С прошлой недели.

Я так и подумал, судя по его бледному лицу и по тому, что он не одергивал подчиненных, сидевших верхом вразвалку. Впрочем, я и сам не так давно ощутил на своей шкуре, каково вчерашнему школьнику отдавать приказы закаленным ветеранам. Помню, что покраснел, вспомнив, как выкрикивал приказы бойцам, у которых за плечами сражений было больше, чем у меня — лет, мне куда больше впору было бы говорить: «С вашего позволения, не могли бы вы выровнять строй?» или «Если вы, конечно, не против, перейдем на рысь». Соответственно, не стал я осуждать этого юнца за то, что подчиненные слушались его так себе, однако бросил на них такой взгляд, что они живо выпрямились в седлах.

— Позвольте осведомиться, месье: не собираетесь ли вы двинуться по этой дороге к северу? — задал я вопрос.

— Мой приказ — осмотреть территорию до Аренсдорфа, — ответил он.

— Тогда, с вашего позволения, я к вам присоединюсь, — сказал я. — Совершенно очевидно, что более длинный путь обещает быть более быстрым.

Так оно и вышло, ибо дорога эта лежала в стороне от путей движения армии, уводила в края, отданные на откуп казакам и мародерам, и было на ней так же пустынно, как на старой —людно. Мы с Дюроком ехали впереди, шестеро его подчиненных — следом.

Славным он оказался парнишкой, этот Дюрок, — в голове полно чепухи, которой их обучают в Сен-Сире¹, про Александра и Помпея² знает больше, чем про заготовку фуража или обработку копыт. При этом, повторюсь, парнишкой он оказался славным, еще не испорченным жизнью на бивуаках. Мне нравилось слушать, как он болтает про свою сестрицу Мари и про их мамашу из Амьена. И вот добрались мы до деревушки Эйно. Дюрок подъехал к почтовой станции и потребовал смотрителя.

— Известно ли вам, — начал он, — проживает ли в этих краях человек, который именуется бароном Штраубенталем?

Смотритель покачал головой, после чего мы двинулись дальше. Я не обратил на этот эпизод особого внимания, но, когда и в следующей деревне мой спутник повторил тот же вопрос, получив тот же ответ, я не выдержал и поинтересовался, кто такой этот барон Штраубенталь.

— Это, — проговорил Дюрок, и мальчишеское лицо его внезапно зарумянилось, — человек, которому я должен передать чрезвычайно важное сообщение.

Никакой это, надо сказать, не ответ, но что-то в манерах моего спутника дало мне понять, что дальнейшие расспросы придутся ему не по душе. А потому я промолчал, хотя Дюрок продолжал спрашивать всех встречных поселян, известно ли им что-либо про барона Штраубенталя.

Я, со своей стороны, старался, как и положено офицеру легкой кавалерии, составить общее представление о рельефе, отметить в памяти русла ручьев,

---

¹ *Сен-Сир* — особая военная школа, основанная Наполеоном в 1802 г., ее окончили многие офицеры — участники Наполеоновских войн.

² *Александр Македонский* (ум. 323 до н. э.), *Гней Помпей Великий* (106–48 до н. э.) — величайшие полководцы древности.

места возможных бродов. С каждым шагом мы все дальше удалялись от лагеря, который обходили с фланга. С южной стороны в морозный воздух вздымалось несколько столбов серого дыма, показывая, где находятся наши передовые посты. К северу же между нами и зимними квартирами русской армии не было ничего. Дважды я заметил у самого горизонта блеск стали и указал на это своему собеседнику. Что это — сказать на таком расстоянии было невозможно, однако мы не сомневались: то блестят пики казаков-мародеров.

Солнце уже садилось, когда мы перевалили через невысокий холм и увидели справа деревушку, а слева — высокий черный замок, выпиравший из соснового леса. Приближался крестьянин на повозке — косматый, угрюмый, в овчинном тулупчике.

— Что это за деревня? — осведомился Дюрок.

— Аренсдорф, — ответил крестьянин на варварском немецком диалекте.

— Тогда именно здесь я и останусь на ночь, — объявил мой молодой спутник. А потом, повернувшись к крестьянину, задал все тот же вопрос: — Можете вы мне сказать, где живет барон Штраубенталь?

— А, этот — владелец Замка Мрака, — отозвался крестьянин, указывая на темные башни над еловым лесом вдали.

Дюрок издал клич, будто охотник, вспугнувший дичь. Похоже, парнишка ума решился — глаза сверкали, лицо побелело как полотно, а губы сжались столь сурово, что крестьянин отшатнулся. Я прямо сейчас вижу, как он сидит, откинувшись в седле, на своем гнедке, устремив пристальный взгляд на черную башню.

— А почему вы его называете Замком Мрака? — поинтересовался я.

— Ну, так тут у нас в округе его прозвали, — пояснил крестьянин. — Говорят, там всякие черные дела творятся. Неспроста же первый злодей во всей Польше живет там уже четырнадцать лет.

— Польский дворянин? — уточнил я.

— Ну нет, у нас в Польше такие не рождаются, — возразил крестьянин.

— Выходит, француз? — воскликнул Дюрок.

— Говорят, он родом из Франции.

— Рыжеволосый?

— Прямо как лис.

— Да, да, именно он мне и нужен! — вскричал мой спутник, весь трепеща от волнения. — Само Провидение привело меня сюда. И кто смеет утверждать, что в этом мире нет справедливости? Вперед, месье Жерар, мне нужно разместить своих людей на постой, а уж потом заниматься личными делами.

Он пришпорил коня, и через десять минут мы уже спешили у трактира в Аренсдорфе, где его кавалеристам предстояло провести ночь.

Ну, мое дело, конечно, было сторона, и я понятия не имел, о чем речь. До Росселя было еще далеко, но я решил, что проведу в дороге еще несколько часов, а там наверняка подвернется какой-нибудь амбар, который даст нам с Ратапланом пристанище на ночь. И вот, наскоро пропустив стаканчик вина, я вскочил в седло, но тут из трактира вдруг выбежал Дюрок и положил ладонь мне на колено.

— Месье Жерар, — взмолился он, — прошу вас, не бросайте меня!

— Милостивый государь, — отвечал я, — извольте пояснить, что к чему и какой помощи вы от меня ждете, — тогда мне будет проще сказать, пригожусь я вам или нет.

— Еще как пригодитесь! — воскликнул он. — Право же, из всего, что я о вас слышал, месье Жерар, мне

ясно, что вы — единственный человек, которого мне хотелось бы видеть рядом с собой нынче ночью.

— Вы забываете, что я спешу в распоряжение своего полка.

— К утру вы так и так не доберетесь, а завтра всяко будете в Росселе. Оставшись сегодня со мной, вы окажете мне беспрецедентную услугу, ибо поможете в деле, в котором замешаны моя честь и честь моей семьи. При этом должен сразу признаться, что это, возможно, сопряжено с определенной опасностью.

Это он ловко завернул. Я, разумеется, прыгнул с Ратаплана и велел конюху отвести его обратно в стойло.

— Идем в трактир, — порешил я, — расскажете в точности, чего вы от меня хотите.

Он отвел меня в отдельный кабинет и запер дверь, чтобы нам не мешали. Роста он был немало, и, увидев, как он стоит под лампой, которая ярко высвечивает его серьезное лицо и серебристо-серую форму, безупречно подогнанную, я почувствовал к нему еще большее расположение. Не стану утверждать, что держался он в точности так же, как я в его годы, однако сходства было достаточно, чтобы я проникся к нему симпатией.

— Я могу все объяснить в двух словах, — заговорил он. — И если до сих пор не удовлетворил вашего вполне естественного любопытства, то лишь потому, что тема эта для меня крайне болезненна, трудно себя заставить к ней обратиться. При этом я, разумеется, не вправе просить вашей помощи, не изложив в точности что и как.

Так вот, должен вам сообщить, что мой отец Кристоф Дюрок был известным банкиром и погиб от рук толпы во время сентябрьских волнений. Как вам известно, мятежники ворвались в тюрьмы, выбрали

троих так называемых судей выносить приговоры несчастным аристократам, а потом, выдав их улице, порвали на куски. Мой отец всю свою жизнь был благодетелем бедняков. Желаящих за него заступиться нашлось предостаточно. Кроме того, его терзала лихорадка, на суд его принесли полумертвым, на одеяле. Двое судей вынесли оправдательный приговор, а третий, молодой якобинец¹, который благодаря телесной мощи и врожденной жестокости стал вожаком этого сброда, собственными руками стащил его с одеяла, принялся пинать тяжелыми башмаками, а потом вышвырнул за дверь, где его немедленно разорвали в клочья, — описывать подробности слишком мучительно. Это, как вы понимаете, было убийство, даже в рамках их незаконных законов, ибо двое их собственных судей его оправдали.

Когда вновь воцарился порядок, мой старший брат стал наводить справки об этом человеке. Я тогда был еще ребенком, однако речь шла о важном семейном деле, его часто обсуждали в моем присутствии. Звали этого мерзавца Карабен. Он был из гвардейцев Сантерра, известный дуэлянт. Некая иностранка по имени баронесса Штраубенталь попала в руки к якобинцам, Карабен же вернул ей свободу в обмен на обещание, что она достанется ему вместе с деньгами и владениями. Он женился на ней, принял ее имя и титул и после падения Робеспьера² бежал из Франции. Нам долго не представлялось возможности выяснить, что с ним случилось дальше.

---

¹ *Якобинцы* — участники Якобинского политического клуба (название по месту заседаний в Париже) времен Великой французской революции. Президентом клуба был Максимилиан Робеспьер.

² *Робеспьер Максимилиан* (1758–1794) — фактический руководитель революционного правительства в период Великой французской революции и до сегодняшнего дня наиболее спорный из ее деятелей — был казнен 28 июля 1794 г.

Вы, безусловно, думаете, что нам было бы несложно его отыскать, зная и имя его, и титул. Однако примите в расчет, что после революции мы остались нищими, а проводить такие поиски без денег чрезвычайно затруднительно. Потом воцарился император, и стало еще сложнее: как вам известно, император считает, что восемнадцатого брюмера все счета были закрыты и под прошлым подведена черта. Тем не менее мы сохранили и семейную историю, и наши семейные замыслы.

Брат мой вступил в армию и прошел по всей Южной Европе, повсеместно осведомляясь о бароне Штраубентале. В прошлом октябре он погиб под Йеной, не выполнив своей миссии. Настала моя очередь, и мне повезло услышать о том, кого я ищу, едва ли не в первой польской деревне, в которой я оказался, всего через неделю после поступления на службу. А после этого — еще большее везение: я оказываюсь в обществе человека, имя которого в армейских кругах упоминают только в связи с многочисленными отважными и бескорыстными поступками.

Все это, конечно, хорошо, я выслушал эту историю с большим интересом, однако так и не понял, чего юный Дюрок хочет от меня.

- Чем я могу вам помочь? — осведомился я.
- Сопроводите меня.
- В замок?
- Именно.
- Когда?
- Немедленно.
- Что вы намереваетесь предпринять?
- Это я пойму на месте. И все же мне очень хочется, чтобы вы были рядом.

Ну, не в моей натуре отказываться от приключения, а кроме того, чувства юноши вызвали у меня симпатию. Прощать врагам своим — дело хорошее,

но хочется, чтобы и им было за что вас прощать. Поэтому я и протянул ему руку.

— Утром мне нужно двигаться в Россель, но до утра я в вашем распоряжении, — сказал я.

Мы оставили бойцов на отдыхе, а поскольку до замка было не больше мили, лошадок тревожить не стали. Говоря по правде, терпеть не могу, когда кавалеристы ходят пешком, — на мой вкус, нет ничего ловчее кавалериста, когда он сидит, обняв коленями седло, и нет ничего нелепее, чем когда он тащит саблю в ножнах в руке и косолапит, чтобы не запнуться о собственные шпоры. Впрочем, мы с Дюроком еще были в тех годах, когда такое не пугает, и у меня нет никаких сомнений, что ни одна женщина не отвернулась бы от двух молодых гусар, в голубом и в сером, которые вышли в ту ночь из ворот аренсдорфской почтовой станции. Оба мы были при саблях, и лично я переправил пистолет из кобуры под ментик — мне было ясно, что ночь предстоит горячая.

Дорога, ведущая к замку, петляла в непроглядном еловом лесу — не видно ни зги, кроме клочка звездного неба над головой. Но вот деревья расступились, и впереди, на расстоянии выстрела из карабина, показался замок. Был он огромный, громоздкий и, судя по всему, — совсем древний, с угловыми башнями и квадратным донжоном¹ с ближней к нам стороны. Над ним простиралась густая тень, светилось лишь одно окно, стояла полная тишина. Мне в этих размерах и безмолвии почудилось нечто жуткое, соответствующее зловещему названию. Спутник мой яро шагал вперед, я шел рядом по заросшей дорожке, что вела к воротам.

---

¹ *Донжон* — башня в средневековом замке, стоящая отдельно в самом недоступном месте и служившая убежищем при нападении врагов.

На мощной двери с железными заклепками не оказалось ни колокольчика, ни молотка, пришлось колотить в нее рукоятями сабель, пока нас не услышали. Тощий человек с ястребиным лицом, заросший бородой до висков, наконец-то впустил нас. В одной руке он держал фонарь, в другой — цепь, прикрепленную к ошейнику огромного черного пса. В первый момент в голосе его прозвучала угроза, однако, взглянув на нашу форму и наши лица, он перешел к угрюмой сдержанности.

— Барон Штраубенталь не принимает в столь поздний час, — объявил он на прекрасном французском языке.

— Доложите барону Штраубенталю, что я покрыл восемьсот лиг¹, чтобы с ним повидаться, и без этого не уеду, — заявил мой спутник.

Мне и самому было бы не сказать лучше и тверже. Слуга бросил на нас косой взгляд и озадаченно потянул себя за бороду.

— Сказать по правде, милостивые государи, — начал он, — барон к этому часу уже пропустил стаканчик-другой; уверяю вас, его общество будет куда занимательнее, если вы вернетесь к утру.

С этими словами он приоткрыл дверь пошире, и в свете лампы я различил у него за спиной еще троих головорезов, один из которых держал на цепи еще одного злобного пса. Дюрок, видимо, тоже их увидел, однако это не убавило его решимости.

— Довольно болтовни, — заявил он, оттолкнув слугу в сторону. — Я буду говорить только с вашим господином.

---

¹ *Лига* — единица длины в Великобритании и США, сухопутная лига равна 4,828 км; морская лига — 5,56 км. Во Франции как единица длины использовалось *лье*: сухопутное *лье* равно 4,444 км, морское — 5,556. Использование Конан Дойлом английской меры длины — тонкий намек на то, что роман написан все-таки не французским полковником, а английским писателем. — *Примеч. перев.*

Стоявшие в прихожей подвинулись и дали ему пройти — такова власть одного человека, знающего, что ему нужно, над несколькими в себе неуверенными. Мой спутник похлопал одного из них по плечу с такой властностью, будто тот принадлежал ему лично.

— Веди меня к барону, — распорядился он.

Головорез пожал плечами и что-то произнес польски. Бородатый слуга, успевший закрыть и запереть на засов входную дверь, видимо, был тут единственным, кто говорил по-французски.

— Ладно, как знаете, — процедил бородатый со зловещей ухмылкой. — Увидите вы барона. Вот только как бы вам не пожалеть о том, что вы не послушались моего совета.

Мы проследовали за ним через просторную, выложенную каменными плитами прихожую — на полу лежали шкуры, со стен смотрели головы диких зверей. В дальнем конце он распахнул дверь, мы вошли.

Комната была небольшая, скудно обставленная, с теми же приметами неухоженности и обветшания, что и повсюду. На стенах висели выцветшие шпалеры, в одном углу ткань отошла, обнажив грубую каменную кладку. Напротив виднелась вторая дверь, полускрытая занавеской. От нее нас отделял квадратный стол, уставленный грязной посудой и остатками неряшливой трапезы. Среди посуды валялось несколько бутылок. Во главе стола, лицом к нам сидел здоровенный детина с головой льва и копной косматых рыжих волос. Борода у него была того же пламенного цвета, спутавшаяся, свалывшаяся, грубая, точно лошадиная грива. Много я повидал на своем веку странных лиц, но ни одно не сравнилось бы по жестокости с этим: злобные голубые глазки, помятые бескровные щеки, толстая отвисшая губа, выпирав-

шая из чудовищной бороды. Голова покачивалась на плечах, незнакомец смотрел на нас мутным, рассеянным взглядом пьяного. Впрочем, не настолько он был пьян, чтобы не распознать нашу форму.

— Ну, храбрецы мои, — икнул он, — каковы последние новости из Парижа? Я слышал, вы собираетесь освободить Польшу, да только между делом сами стали рабами — рабами мелкого аристократишки в сером камзоле и треугольной шляпе. Говорят, нет больше граждан, одни мадамы да мусью. Сдается мне, недалеко то утро, когда новые головы покатаются в корзину с опилками.

Дюрок медленно приблизился и встал рядом с негодяем.

— Жан Карабен, — произнес он.

Барон вздрогнул — пленка хмеля вроде как сошла с его глаз.

— Жан Карабен, — повторил Дюрок.

Тот вцепился в подлокотники кресла.

— Что вы хотите сказать повторением этого имени, молодой человек? — осведомился он.

— Жан Карабен, я давно искал встречи с вами.

— Допустим, я когда-то носил это имя, что вам до того, ведь вы в те времена были еще ребенком?

— Мое имя — Дюрок.

— Но вы не сын...

— Сын человека, которого вы послали на смерть.

— Не будем ворошить прошлое, юноша! — воскликнул барон. — Такова была линия судьбы в те времена: либо аристократы, либо народ. Ваш отец был жирондистом. Он погиб. Я был монтаньяром¹. Большинство моих товарищей погибли. Воинская fortuna

---

¹ *Жирондисты и монтаньяры* — политические партии, образовавшиеся в период Великой французской революции 1789–1794 гг. и враждовавшие между собой.

изменчива. Нужно забыть старое и познакомиться поближе.

С этими словами он вытянул вперед дрожащую красную руку.

— Довольно, — ответил юный Дюрок. — Полоснув вас саблей прямо в кресле, я бы поступил достойно и справедливо. Скрестить клинок с вашим — значит покрыть его позором. При этом вы — француз и даже воевали под тем же флагом, что и я. Встаньте и защищайтесь!

— Ну-ну! — воскликнул барон. — Хорошо вам, с молодой горячей кровью...

Терпение Дюрока иссякло. Он открытой ладонью ударил в центр ярко-рыжей бороды. Я увидел, как на губах у барона выступила кровь, а выше сверкнули два глаза.

— За этот удар вы заплатите жизнью.

— Так-то лучше, — отозвался Дюрок.

— Саблю мне! — выкрикнул его соперник. — Уж поверьте, ждать я вас не заставлю!

И он поспешно вышел.

Я уже сказал, что в комнате имелась вторая дверь, полускрытая занавеской. Едва барон исчез, как оттуда выбежала женщина, молодая и красивая. Она двигалась столь стремительно и бесшумно, что уже через миг оказалась с нами рядом — лишь вздрагивающая занавеска показывала, откуда она появилась.

— Я все видела! — воскликнула она. — Ах, месье, вы держались прекрасно!

Она нагнулась к руке моего спутника и покрывала ее поцелуями, пока он не сумел высвободиться.

— Позвольте, мадам, почему вы целуете мне руку? — воскликнул он.

— Потому что эта рука ударила его в мерзкий лживый рот. Потому что эта рука, возможно, отомстит за мою мать. Я его падчерица. Женщина, кото-

рой он разбил сердце, была моей матерью. Я его боюсь и ненавижу. Ах, его шаги!

Она исчезла столь же стремительно, как и появилась. Через миг вошел барон с обнаженной саблей, за ним следовал впустивший нас слуга.

— Это мой секретарь, — объявил барон. — Будет моим секундантом. Но здесь тесновато, не развернуться. Не соблаговолите проследовать за мной в более просторное помещение?

Проводить поединок в комнате, перегороженной большим столом, было невозможно. Соответственно, мы отправились вслед за ним в полутемную прихожую. В открытую дверь в дальнем конце проникал свет.

— Там есть все, что вам нужно, — заявил чернобородый.

Комната оказалась пустой и просторной, у стен громоздились ящики и бочонки. На полке в углу стояла мощная лампа. Пол был ровным и твердым — любому фехтовальщику подойдет. Дюрок вытащил саблю и встал в стойку. Барон поклонился, сделал шаг назад и жестом предложил мне последовать за моим спутником. Но стоило мне переступить порог, как дверь с грохотом захлопнулась, ключ повернулся в замке. Мы попали в ловушку.

В первый момент мы этого не поняли. Нам еще не случалось сталкиваться с подобной низостью. А потом мы осознали, как глупо было хотя бы на миг поверить человеку с таким прошлым, и нас захлестнула волна ярости — из-за его неслыханного криводушия и нашей собственной глупости. Мы оба бросились к двери, замолотили в нее кулаками, принялись пинать ее тяжелыми башмаками. Удары и вопли разносились, видимо, по всему замку. Мы зывали к мерзавцу, подбирая слова, способные пронзить даже

самую зачерстевшую душу. Но дверь оказалась толстенной — такие встречаются в средневековых замках — из мощных брусьев, скрепленных железом. Пробить ее было не проще, чем строй Старой Гвардии¹. Да и от криков толку было не больше, чем от ударов, — ответом стало лишь эхо, заметавшееся под высоким потолком. Солдатская служба приучает: смирись с тем, что невозможно изменить. Соответственно, я первым вернул себе хладнокровие, после чего убедил Дюрока осмотреть вместе со мной помещение, ставшее нашей темницей.

Окно в нем оказалось только одно, причем без стекла, да такое узкое, что и голову не просунешь. Располагалось оно высоко; чтобы выглянуть, Дюроку пришлось встать на бочку.

— Что видите? — осведомился я.

— Ельник с заснеженной дорогой, — отозвался он. — Ах! — В этом возгласе звучало удивление.

Я вспрыгнул на соседнюю бочку. Перед нами, как он и сказал, расстилалась белая полоса. По ней скакал, нахлестывая коня, всадник — мчался как сумасшедший. Прямо на наших глазах он делался все меньше и меньше, и вот его поглотила черная тень леса.

— Что это означает? — спросил Дюрок.

— Для нас — ничего хорошего, — ответил я. — Возможно, отправился звать на помощь каких-то головорезов, чтобы перерезать нам глотки. Поищем способ выбраться из мышеловки, пока кот не вернулся.

Единственным нашим подспорьем стала яркая лампа. Она была почти до упора заправлена маслом — хватит до утра. Во тьме нам пришлось бы тяжелее. При свете же без труда удалось осмотреть ящики

---

¹ *Старая Гвардия* — элитные части французской Императорской гвардии периода Наполеоновских войн.

и прочую тару, лежавшую вдоль стен. Местами они были сложены в один ряд, в углах же навалены чуть не до потолка. Похоже, мы попали в замковую кладовую — здесь в изобилии имелись сыры, всевозможные овощи, жестянки с сушеными фруктами, бочонки с вином. В одном обнаружился кран, и поскольку по ходу дня ел я мало, то решил подкрепиться и выпить кларета. Дюрок ни к чему не притронулся — от гнева и нетерпения он лихорадочно мерил помещение шагами.

— Он у меня еще поплатится! — восклицал он то и дело. — Этот негодяй от меня не уйдет!

Оно, конечно, так, вот только, усевшись на здоровенную голову сыра, чтобы поужинать, я подумал, что этот юнец слишком много думает о своих семейных невзгодах и слишком мало — о том, в какой переплет втравил меня. Родитель его, в конце концов, вот уже четырнадцать лет как умер, и с этим ничего не поделаешь; а теперь вот Этьен Жерар, наипервейший лейтенант во всей Великой армии, рискует расстаться с жизнью в самом начале своей блистательной карьеры. Никто ведь и не догадается, до каких высот я мог бы подняться, если я получу по голове по ходу этой междоусобицы, не имеющей никакого отношения ни к Франции, ни к императору. Я невольно подумал о том, какого сваял дурака, — ведь впереди славная война и вообще все, чего только может пожелать мужчина, а я ввязался в эту бестолковую затею, да так, будто нет под боком четверти миллиона русских, с которыми надо драться, — тут не до всяких личных склок.

— Оно, конечно, так, — сказал я наконец, услышав, как Дюрок бормочет свои угрозы. — Можете делать с ним все, что заблагорассудится, когда его одолеете. Но пока вопрос стоит иначе: что он собирается делать с нами?

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДВИГИ БРИГАДИРА ЖЕРАРА

Перевод А. Глебовской

Как бригадир попал в Замок Мрака	7
Как бригадир расправился с Братьями из Аяччо	35
Как король оказался в руках у бригадира	61
Как бригадир оказался в руках у короля	91
Как бригадир вышел против маршала Мильфлёра	119
Как бригадир играл за королевство	149
Как бригадир получил медаль	176
Как бригадира искушал дьявол	206

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БРИГАДИРА ЖЕРАРА

Перевод В. Хинкиса

Как бригадир лишился уха	237
Как бригадир взял Сарагоссу	262
Как бригадир убил лису	287
Как бригадир спас армию	303
Как бригадир прославился в Лондоне	328
Как бригадир побывал в Минске	349
Как бригадир действовал при Ватерлоо	372
Последнее приключение бригадира	416

ЖЕНИТЬБА БРИГАДИРА

<i>Перевод Д. Жукова</i>	433
--------------------------------	-----